

Непримиримый противник. Создание образа врага на советско- китайской границе в 1969—1982 гг.

Сёрен Урбански,

доктор философии, научный сотрудник Германского исторического института, Вашингтон, США.

E-mail: urbansky@ghi-dc.org

В статье исследуется отражение конфронтации между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой в период наиболее острого противостояния на локальном и региональном уровне на границе между двумя государствами. Наибольшее внимание в работе уделяется исследованию процессов в Читинской области (восточное Забайкалье) и в городском округе Хулун-Буир (Внутренняя Монголия). Автором предпринята попытка осветить презентацию границы и конфликта СССР и КНР в советских СМИ местного и общегосударственного значения, а также создание образа врага и представления о Китае с советской стороны. Проведён анализ советской пропаганды на основе источников из центральных и региональных архивов и современных газет. Он показал, что за время конфликта произошло мало изменений в технологии проведения пропаганды и содержания её материалов. Множество советских тем брались из пропагандистского материала, использовавшегося во время конфронтации на границе с Китаем и Маньчжоу-Го в 1920-х и 1930-х гг., и всего лишь адаптировались к новой ситуации. Образы врага, созданные в этот период конфликта, возвращались, оставаясь стереотипными и абстрактными. В то время как советский герой обрёл лицо, враг в Китае, как и сам Китай, оставался чуждым советскому читателю. Из-за изоляции и советское, и китайское население воспринимало людей, живших с другой стороны границы, «как сквозь туман».

Ключевые слова: Советский Союз, Китай, советско-китайский раскол, приграничные связи, пропаганда, образ врага.

The Unfathomable Foe. Constructing the Enemy in the Sino-Soviet Borderlands, ca. 1969—1982.

Sören Urbansky, German Historical Institute, Washington, D.C., USA.

E-mail: urbansky@ghi-dc.org.

The article examines the impact of the hostilities between the Soviet Union and China during the period of the bitterest disagreement between the two great socialist powers on the local and regional level at the border between the two states. The article focuses on the region of Chita (Eastern

Transbaikalian region) and Hulunbuir (Inner Mongolia). The author tries to shed light on the presentation of the border and the Sino-Soviet conflict in the regional Soviet media and nationwide publishing, as well as on the construction of the enemy and the image of China on the Soviet side. Based on central and regional archival sources and contemporary newspapers the analysis of the Soviet propaganda reveals that the conflict produced only very few innovations in technology and content. Instead, propaganda material had rather been dug out of the “relic box”. Many of the Soviet themes were simply adopted from propaganda material used during the confrontation along the border with China and Manchukuo in the 1920^s and 1930^s. Enemy concepts dating back to this former phase of the conflict were rekindled and remained stereotypical and abstract. While the Soviet hero was given a specific face, the enemy in China and the Middle Kingdom remained abstract to the Soviet reader. Because of isolation, the local population perceived the people on the other side of the border as through “frosted glass”.

Keywords: Soviet Union, China, Sino-Soviet split, cross-border relations, propaganda, enemy concepts.

На момент начала разногласий между Советским Союзом и Китаем длина границы между странами составляла примерно 7500 км (или более 12 000 км, если учитывать границу между Китаем и Монголией). Это была самая длинная сухопутная граница в мире, простиравшаяся от рек Уссури, Амур и Аргунь на востоке через степи и пустыни вдоль границы между Внешней и Внутренней Монголией до горных вершин Алтая и Тянь-Шаня на западе. Однако защита границы была лишь одной из забот Советского Союза. В конфликте между Китаем и СССР ключевую роль играла идеологическая война. В Кремле опасались кризиса идеологической легитимации, спровоцированного Пекином, и его возможных последствий на родине и за рубежом¹. Поэтому исследование пропаганды так же важно для понимания конфликта, как и изучение боевых действий. Насколько закрытой была граница для потоков информации? Была ли она полностью непроницаемой? Как изображалась граница и «другие»?

В данной статье мы попытаемся осветить презентацию границы советско-китайского конфликта в советских СМИ местного и общегосударственного значения, а также способы создания

¹ Некоторые историки холодной войны утверждают, что одна идеология не объясняет разрушения альянса. См.: [41, р. 4]. Например, по мнению С. Радченко, Н.С. Хрущёв никогда не считал идеологию серьёзным препятствием для союза [39]. Однако другие недавние исследования подтверждают разрушительное влияние идеологии в советско-китайских отношениях: [36, р. 8—12].

образа врага и представления о Китае с советской стороны. Таким образом, настоящий анализ будет преимущественно сконцентрирован на советском видении, так как для его изучения существует больше источников. Однако там, где это представляется возможным и оправданным, мы проведём сравнение с китайской точкой зрения на обозначенные события. Несмотря на то, что содержательные и технологические аспекты пропаганды определяются в столицах, мы рассмотрим её с регионального ракурса.

Для ответа на поставленные выше вопросы представляется важным изучить региональные реалии и проанализировать то, как преподносился образ границы и «других» самим жителям приграничных областей. Наибольшее внимание мы уделим приграничным районам Читинской области, т.е. восточному Забайкалью, — с советской стороны — и отчасти коснёмся ситуации в городском округе Хулун-Буир во Внутренней Монголии — с китайской стороны.

Русско-китайская граница на исследуемой территории была проложена практически в своём современном очертании более 300 лет назад согласно Нерчинскому договору (1689) [37, р. 280—283]. Однако ко времени советско-китайского конфликта уже не было существенных административных и социально-экономических отличий между Читинской областью и другими граничащими с Китаем областями. В СССР было мало отрицательных сообщений о Китае, и до столкновений на р. Уссури не предпринималось попыток создать образ врага. Поэтому мы уделим основное внимание 1969 г. и последующим годам и кратко опишем окончание вражды в 1980-х гг.

ВРАГ ПО ТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ: КОНСТРУКЦИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

В 1950-е гг. и вдоль всей советско-китайской границы, и внутри самих стран, от Калининграда до Гуаньчжоу, звучали заверения в дружбе. Провозглашалась идеология «вечного братства»². Первые признаки перемены настроения, предвестники нового периода в отношениях между двумя странами, стали заметны в конце десятилетия.

При этом возник вопрос: как заставить тех, кто официально был «братьями навеки» всего несколько лет назад, воспринимать соседнюю страну как угрозу, а людей по ту сторону границы — как

² По поводу периода союзнических отношений см.: [41].

врагов? Для жителей приграничных областей Советского Союза не требовалось создавать новый образ врага в лице Китая, можно было просто «обновить» старый: в конце 20-х гг. уже предпринималась попытка через советскую популярную литературу и прессу настроить людей в Советском Союзе и за рубежом против национального правительства в Нанкине и маньчжурского военачальника Чжан Цзолиня³, поэтому антикитайские настроения не были редки среди жителей приграничья. После японской оккупации Маньчжурии в 1931—1932 гг. граница превратилась в прифронтовую полосу, угроза войны нависла над укрепленными приграничными областями и препятствовала контактам с советской стороной⁴. «Золотое десятилетие», последовавшее за основанием Китайской Народной Республики в 1949 г., — пока не появились первые трещины в отношениях между Москвой и Пекином — на самом деле было временным затишьем. Несмотря на отсутствие пограничных конфликтов в этот период, заявления о «мирной границе» были в основном риторическими, так как путь в соседнюю страну оставался закрытым для большинства жителей приграничья. Хотя угрозы войны с Японией на границе с Китаем больше не было, политика СССР, вызванная этой угрозой, по сути, продолжалась⁵. Таким образом, задолго до кровопролитных столкновений в марте 1969 г. граница являлась социальным фактом или, выражаясь языком Мишеля Бода и Виллема ван Шенделя, введших метафору о «жизненном цикле» границ, превратилась во «взрослую границу». Контакты с другой стороной были пресечены, и граница восстановилась в новом идеологическом контексте и с новой легитимацией [31, р. 223—225].

Пропаганда играла ключевую роль в конфликте между Китаем и Советским Союзом в приграничных областях и за их пределами. Агитация против недруга среди собственного населения и за вражескими границами имела давнюю традицию. Как Советский Союз, так и Китай умело распространяли пропагандистские материалы, которые становились всё эффективнее и разнообразнее с развитием новых технологий. Почти каждая важная организация и почти каждый районный центр в Советском Союзе имели теперь свой печатный орган. Радио начинало играть всё более важную роль в обеих странах, телевидение также стало доходить до советских квартир. При этом основные темы новостей и их идеологическая подоплёка

³ Например, см.: [23].

⁴ В качестве примера см. репортажи ТАСС о нарушении границы маньчжурскими войсками в 1936 г. [29, с. 226, 231].

⁵ Подробнее см.: [30].

оставались прежними. Узнать правду можно было только из иностранных радиопередач или от знакомых. И Китай, и Советский союз, являясь тоталитарными государствами, монополизировали передачу новостей и использовали газеты, радио, телевидение и другие каналы для идеологической обработки собственного и вражеского населения, а также для возведения и обновления внутренних барьеров. Какова же была функция СМИ в конфликтах 1960-х и 1970-х гг.? Какие приёмы использовала каждая из сторон для передачи новостей? До какой степени мы можем называть эти методы пропаганды современными, т.е. новаторскими по форме и содержанию? Каким образом опровергалась пропаганда противника? Как каждая из сторон позиционировала саму себя и какой создавался облик «других»?

ВОЙНА ПРОПАГАНДЫ

Начиная со 2 марта 1969 г., после того как элитный китайский отряд атаковал советский патруль на о. Даманском, интенсивность антимаоистской пропаганды в советских газетах и радиопередачах достигла беспрецедентного уровня. Тон пекинских коллег от советских журналистов ничем не отличался. Обе стороны, пользуясь событиями на р. Уссури, взывали к патриотизму собственного населения. Не прошло и суток, как китайские пропагандисты пустили в массы легко запоминающийся лозунг «Долой новых царей!» (*дадао синь шахуан*), которым впоследствии пользовались для агитации против советского руководства на родине и за рубежом [38, р. 550]. Хотя в Кремле не придумали звучных лозунгов, советская машина пропаганды, управляемая из центра, также быстро набирала обороты. Уже 14 марта ЦК КПСС принял с немедленным вступлением в силу план пропаганды для прессы, радио и телевидения с целью разоблачения «авантюристического курса группы Мао Цзэ-дуна». Этот план задавал темы для репортажей в газетах «Правда», «Известия», «Сельская жизнь», «Советская Россия», «Труд», «Коммунист», «Литературная газета», «Агитатор», «Международная жизнь» и других печатных органах [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 27. Л. 50]. Если прибегнуть к сравнению, то на начальном этапе пропаганда КНР в целом была более эффективной, чем советская, с точки зрения мобилизации народных масс [38, р. 552; 42, р. 34].

Проявление советско-китайской информационной войны в печати и радиовещании, должно быть, казалось скучным западным наблюдателям. Содержание программ — предназначенных для врага или

для собственной аудитории — укладывалось в рамки, давно известные советским и китайским читателям и слушателям: неоднозначная информация о политических событиях, признания собственных ошибок и слабостей или неоправдавшихся ожиданий опускались, а сообщения о политических диспутах или мнения по ещё не решённым вопросам вне «социалистического лагеря» в лучшем случае проскальзывали между строк. Советские и китайские политические репортажи по построению/структуре были, в принципе, аналогичны. Москва транслировала каждые полчаса новости и комментарии, перемежающиеся с мнимыми заявками слушателей: в основном китайскими народными песнями и мелодиями из китайских опер, запрещёнными в самом Китае. «Акустическая бомбардировка» врага со стороны Пекина была построена таким же образом. Существовало лишь одно отличие: московские программы не содержали лозунга «Да здравствует наш великий председатель Мао!» (*Мао чжуси ваньсуй*) и обязательной цитаты Мао перед началом каждой передачи.

Отличие «акустической бомбардировки» врага от печатных материалов и передач для собственной аудитории состояло, пожалуй, в меньшем количестве грубой риторики. Основной целью большинства передач, предназначенных для тех, кто жил по ту сторону границы, было благоприятное изображение событий и условий жизни на своей стороне. С помощью репортажей и заявлений создавался образ страны, любимой и уважаемой за рубежом, процветающей, находящейся на пути к дальнейшим успехам [35, р. 563—565].

Кроме того, Китай и Советский Союз пытались распространять собственный позитивный образ. Помимо таких передач, как «Человек и общество» по телевидению или «Я человек советский» по радио, посвящённых жизни в Советском Союзе и его неудержимому прогрессу во всех областях, существовали также программы, имевшие целью опровергать китайскую пропаганду [ГАЧО. Ф. П-3. Оп. 27. Д. 51. Л. 83].

Широким спросом по всей стране, и особенно в приграничных советских областях, пользовались и фильмы. Самыми известными антимаоистскими фильмами являются, пожалуй, «Письмо китайскому другу» (1969) и «Ночь над Китаем» (1971) режиссёра А. Медведкина. Содержание фильмов во многом очевидно из их названий. В ленте «Ночь над Китаем» есть эпизод, когда китайские «красногвардейцы» (хунвэйбины) гонят пожилого, некогда уважаемого партийного деятеля по улицам Пекина как дрессированного медведя, выбивают ему зубы, надевают ему на голову шутовской колпак и после всех этих унижений заставляют заниматься изнурительной

работой на полях. Только в 1973 г. этот фильм демонстрировался 1200 раз, его просмотрело 145 000 жителей Читинской области, т.е. около 12% всего населения региона [ГАЧО. Ф. П-3. Оп. 27. Д. 51. Л. 17—18]. В 1969 г. на телеэкраны вышел фильм «Пагубный курс маоистов». Его содержание также активно воспроизводилось в газетных рецензиях [9]. Критикуя вредный курс, которым двигалась КНР, советские агитаторы никогда не забывали призывать собственное население к «политической бдительности» и предупреждать об опасном пути, выбранном соседом. Идея была ясна: патриотизм и готовность защищать отечество в любое время. Каков же был эффект воздействия на целевую аудиторию, напротив, выяснить трудно⁶.

НОВЫЙ ГЕРОЙ

Ключевым мотивом советской пропаганды во время советско-китайского конфликта был миф о героическом пограничнике, существовавший и до мартовских событий. Ещё в 1918 г. 28 мая было объявлено в Советском Союзе Днём пограничника. Широко пропагандироваться этот героический образ начал в 30-х гг. Перед лицом войны с японским марионеточным государством Маньчжоу-Го пограничник изображался как народный герой⁷.

Как этот образ создавался и обновлялся? Помимо перепечатывания репортажей из «Правды» и «Известий», а также поступающих из центра сообщений ТАСС о пограничных стычках, местные газеты в пограничных областях уделяли большое внимание мартовским событиям, выпуская «письма читателей» пограничникам, репортажи о представителях этого рода войск, изображения солдат или стихотворения, посвящённые бойцам, такие как «Для врагов дороги к нам закрыты» поэта Р. Филиппова [25]. В статьях из региональных газет присутствовало чёткое разделение ролей: «китайским бандитам» противостояли советские «герои острова Даманский», проявлявшие «мужество и героизм» в решающей схватке с врагом [20].

Погибшие в мартовских боях объявлялись мучениками за Отечество. Теперь пробуждалось сочувствие к судьбе живущих рядом. Газета «Забайкальский рабочий» сообщала: «„Чита 2, Дачная, 17-а, Гладышеву Виктору Семёновичу. Ваш сын Сергей пал смертью храбрых при охране государственной границы <...>“. Оператор <...> ещё

⁶ Для подробного анализа идей и тем, исходивших от Москвы и Пекина, см.: [35, р. 566—574].

⁷ Подробнее см.: [32, р. 71—75].

раз перечитала телеграмму. Что же делать? Как сообщить об этом большом горе матери погибшего? Сердце у неё — слабое, может не выдержать...» [21]. Судьба этого солдата описывалась почти в каждой газете в области, включая издание «На боевом посту» — печатный орган Забайкальского военного округа. Корреспондент говорил с близкими Сергея и сообщал, что погибший, сын «обычной рабочей семьи», был «активным комсомольцем», любил читать, путешествовать и играть в баскетбол [26]. В специальном выпуске газеты 3 апреля, посвящённом мартовским событиям, директор школы № 29 г. Читы, где некогда учился Сергей, с похвалой отзывалась о нём [27]. В октябре погибший был посмертно награждён медалью «За отвагу», которая на официальной церемонии была вручена его матери, заведующей детским садом [22].

Чита оплакивала Сергея Гладышева, в Улан-Удэ горевали о Николае Петрове, сыне Марии Петровой, которая день изо дня ходила из своей маленькой квартиры в пригороде на работу в цех по ремонту поездов. Мария Петрова регулярно получала письма от сына, пока её Николай не «погиб 2 марта на льду Уссури» [28]. В каждом городе появились свои герои из ближайших соседей. Погибшие сыновья провозглашались героями. Их гибель, возведённая средствами массовой информации в статус мученической смерти, использовалась для дальнейшей эмоционализации конфликта.

Миф о героях р. Уссури оказался долгоживущим, и его влияние пошло на убыль лишь много лет спустя. Большинство граждан Советского Союза узнали о подоплёке китайско-советского конфликта во время перестройки или после неё. В частности, события марта 1969 г. долго были окутаны завесой неясности.

ЗАСТЫВШАЯ ПРОЗРАЧНАЯ ГРАНИЦА

Какой образ соседней страны сообщался гражданам СССР, жившим непосредственно на границе? Какие газеты они читали? Рабочие и служащие на железной дороге, вероятно, читали газету «Трансбайкальская магистраль», в то время как таможенники и пограничники — «На боевом посту». Некоторые партийные деятели или учителя, возможно, выписывали областную газету «Забайкальский рабочий». Однако большинство если что-то и читало, то, скорее всего, ограничивалось районной газетой.

Партийная администрация Забайкальского района, появившегося 1 января 1967 г. в ходе преобразования местного управления, издавала

с лета 1967 г. собственную газету «Забайкалец». Имея объём в четыре страницы, она выходила три раза в неделю начиная с 27 июня 1967 г. До этого жители Забайкальска и окружающих деревень могли читать «Ленинский путь», газету, издававшуюся с 1930 г. администрацией Борзинского района, к которому Забайкальск принадлежал до 1966 г. Репортажи в обоих изданиях в основном были посвящены жизни в стране. Время от времени печатались сообщения ТАСС об успешном развитии братских социалистических государств.

А что же с Китаем? Читатели приграничья мало узнавали о КНР. Газета «Ленинский путь» опубликовала 1 октября 1959 г. репортаж о железнодорожных рабочих станций Забайкальск и Маньчжурия, иллюстрирующий особую дружбу между двумя народами. Автором этого текста с многозначительным названием «Русский с китайцем — братья навек!» был журналист С. Лешенок. Он описал трудовые будни советских рабочих приграничной железнодорожной станции. Главная героиня — Р. Кузнецова — проработала вместе со своим китайским сослуживцем восемь лет. Сначала она могла общаться с ним только при помощи переводчика. Позже «они стали понимать друг друга с полуслова, а где не хватает слов, приходят на помощь жесты, рисунки». Текст заканчивается трогательным выводом: «Во многих цехах Забайкальска плечом к плечу трудятся русские и китайцы. Их всех объединяет крепкая дружба и одно стремление — быстрее построить великое светлое будущее. Работники одной пограничной станции часто бывают у своих друзей на другой станции. Они согласовывают планы предстоящей работы, делятся опытом, учатся друг у друга всему хорошему. Хорошая и крепкая, как сталь, дружба связывает железнодорожников двух пограничных станций» [24].

Без сомнения, эти слова звучали стереотипно и в лучшем случае лишь частично соответствовали истине. Но в то же время это были удивительно конкретные, живые сообщения. Читатель почти что видел самого себя рядом с железной дорогой. У героев этой истории были свои имена, у мест — свои названия, известные читателю. Возможно, он даже знал кого-то из этих людей. Данный текст на многие годы оказался последним репортажем, который описывал жизнь конкретных людей по обе стороны границы, и последним, в котором упоминалась Маньчжурия — город по другую сторону границы. Хотя расстояние между ним и Забайкальском всего 9 км и со степных холмов видна другая сторона границы, советская региональная пресса хранила молчание о Маньчжурии и других китайских приграничных городах в течение 26 лет.

Только по прошествии более четверти века, начиная с лета 1986 г., Китай снова стал описываться в положительном ключе в региональных публикациях советского приграничья: сначала это в основном были сводки о возобновлении работы обществ дружбы и обмене делегациями [14], затем писали об участии китайских музыкантов в московском конкурсе им. Чайковского [15] и, наконец, в конце августа 1986 г., — о посещении Забайкальского района делегацией Маньчжурского общества советско-китайской дружбы в составе четырёх человек. Репортаж был коротким, а язык всё ещё сухим, но издатели расположили фотографию совместной советско-китайской делегации на видном месте [16]. От характерного высокопарного стиля, которым пользовался в «Ленинском пути» 26 лет назад журналист Лешенок, воспевавший дружбу двух народов, не осталось и следа, но тенденция была ясна. Прошло ещё четыре года, прежде чем в августе и сентябре 1990 г. появился состоящий из нескольких частей репортаж под названием «Семь дней в Китае», посвящённый соседнему г. Маньчжурии. В нём чувствовался энтузиазм журналиста. Очевидно, последний с трудом верил своим глазам⁸. Эти репортажи обозначали конец «застывшей прозрачной границы», за которой в течение десятилетий за степными холмами виднелись лишь расплывчатые очертания другой стороны. Это была реабилитация «других», возвращение конкретных людей и мест.

Каковы были репортажи о пограничном конфликте 1969 г.? Большая часть областных газет перепечатывала с задержкой в одну неделю сообщения о стычках на о. Даманском из других газет. Первая полоса «Забайкальца» содержала статьи ТАСС о похоронах погибших советских солдат и описание совещания советского министерства иностранных дел. На той же странице, на видном месте, в верхнем столбце слева, под заголовком «В полный голос» газета сообщала о митинге жителей советского приграничного посёлка, на который они были приглашены партийным руководством через неделю после перестрелки на р. Уссури. Половина жителей была собрана в здании вокзала и проинформирована об изменении политической ситуации. Митинг открыл Насак Иролтуевич Юдинов, первый секретарь районного исполкома. Затем произносили речи ведущие работники местных железнодорожных предприятий, но и простые рабочие и железнодорожники высказывались о защите «священных рубежей». Если верить напечатанным цитатам, составитель поездов Михаил Максимович Воитков произнёс следующую волнующую речь:

⁸ Подробнее см.: [17; 18; 19].

«Нарушив нашу границу, китайские провокаторы показали своё лицо. Поэтому мы должны оберегать нашу границу как зеницу ока. Китайские власти от провокаций на идеологическом фронте перешли к провокациям вооружённого характера. Мы, советские люди, клеймим китайских провокаторов. Вместе с матерями погибших пограничников скорбим и мы» [1].

В течение следующих недель и месяцев журналисты районной газеты писали об организованных митингах, таких как митинг районного объединения «Сельхозтехника» 16 июля. Его участники подчёркивали мирный характер советского народа и одобряли сообщение советского правительства от 16 июня по китайскому вопросу [7]. Наиболее значимый из этих митингов прошёл в приграничном пос. Забайкальске другим летним вечером на площади перед клубом железнодорожников. Журналист А. Банушев написал о «встрече с героями Даманского», как говорилось в названии. Школьники, рабочие, пенсионеры — половина посёлка собралась послушать речи пограничников, некоторые из которых непосредственно участвовали в боях. Они рассказывали не только о китайских провокациях на о. Даманском, но и об инцидентах предшествующего периода, а также о том, как сами мужественно защищали родину, чем вызвали «бурные аплодисменты» своих слушателей [8].

Помимо эксклюзивных репортажей из области, в 1969 г. районная газета публиковала материалы межрегионального характера: часто это были занимающие несколько страниц заявления советского правительства о Китае [2; 6], интервью с «героями острова Даманский», репортажи о советской контратаке 15 марта [3], а также фоторепортажи ТАСС о пограничниках, нёсших службу на р. Уссури [4] и участвовавших в боях. Некоторые из них были награждены посмертно [5]. Печатаемая воспоминания очевидца, газета возвращалась и к китайско-советскому конфликту 1929 г., описывая героическую борьбу Красной армии за Китайско-Восточную железную дорогу ровно 40 лет назад, когда наиболее упорные бои шли в окрестностях Маньчжурии [10].

Начиная с 1970 г. Китай появлялся в местной газете лишь изредка, когда в Москве ожидали от Пекина новых актов агрессии на границе [11], замечали антисоветские настроения в самом Китае [12] или сообщали о китайских внутренних проблемах и страданиях простых людей [13]. Но общее количество репортажей заметно уменьшилось.

В то время как герой о. Даманского обрёл лицо, враг в Китае, как и сам Китай, оставался чуждым советскому читателю. За четверть

века, прошедшую между репортажем «Русский с китайцем — братья навек!» 1959 г., где описывался совместный дружный труд китайских и советских железнодорожников, и репортажем 1986 г. о делегации из Маньчжурии, когда Москва и Пекин снова начали сближаться и торговля через границу возобновилась, советские газеты в Забайкалье хранили молчание о китайских приграничных областях. Страна по ту сторону границы, некогда такая знакомая, стиралась из коллективной памяти. Географические названия китайского приграничья исчезли за завесой пропаганды. А враг, таившийся за границей, был таким же неопределённым, анонимным и, вероятно, именно поэтому — пугающим.

«ВОЙНА В ЭФИРЕ»

Население приграничных районов также являлось целью пропаганды в «войне в эфире». В стенографическом тексте Областной конференции по китайскому вопросу от 3 и 4 июля 1974 г. описывается, как планировалось защищать территорию от вражеских нападений. Список участников этой встречи областной администрации ещё раз иллюстрирует, как серьёзно местные руководители подходили к проблеме границы, растянувшейся на многие тысячи километров между Читинской областью и Китаем. Эта конференция была собранием экспертов по границе на региональном уровне [ГАЧО. Ф. П-3. Оп. 27. Д. 51. Л. 1]⁹. Цель конференции заключалась в рассмотрении вопросов защиты границы на всех уровнях. Более чем через пять лет после стычек на о. Даманском (р. Уссури) Ефим Борисович Маликов, председатель комитета по телевидению и радиовещанию Читинского облисполкома, докладывал участникам конференции: «Со стороны Китая не прекращаются попытки идеологического воздействия спецорганов и спецслужб на советских граждан и прежде всего на пограничников. В населённых пунктах Китая, расположенных у нашей границы, через мощные динамики постоянно транслировались радиопередачи антисоветского характера на китайской территории, против советских населённых пунктов, регулярно устанавливались лозунги и транспаранты антисоветского содержания» [ГАЧО. Ф. П-3. Оп. 27. Д. 51. Л. 9].

⁹ Кроме того, в 1974 г. двусторонние переговоры по поводу границы в очередной раз сорвались. Неутешительная перспектива развития событий может служить объяснением, почему конференция была созвана именно в этот момент. См.: [40, р. 287—291].

Хотя главной мишенью агитации и с той, и с другой стороны оставались люди, жившие в непосредственной близости от границы, оба государства вели информационную войну на гораздо большей территории.

Ещё с 1929 г. Советский Союз транслировал радиопередачи на иностранных языках по всему миру. 40 лет спустя эти передачи велись на 82 языках и диалектах. Со вступлением СССР во Вторую мировую войну начался выпуск радиопередач на китайском языке, хотя их длительность до 1965 г. не превышала 10 час. в день. Однако во время культурной революции эфирное время передач на китайском стремительно увеличивалось. К концу 1967 г. общее эфирное время передач, транслируемых всеми московскими радиостанциями на официальном китайском языке (путунхуа), достигло 168 час. в неделю, или 24 час. в день. Кроме того, существовали передачи на кантонском диалекте (для южного Китая), шанхайском диалекте, а также монгольском и уйгурском языках, причём последние транслировало радио Ташкента [35, р. 560—561].

В Чите в 1974 г. каждую неделю выпускались радиопередачи для международной аудитории общей длительностью в 35 час. Большинство этих программ готовились в Москве и выходили в эфир на четырёх китайских диалектах. В самой Чите существовала редакция, выпускающая некоторое количество передач на мандарине, предназначенных для Китая, прежде всего — для приграничных регионов КНР. Помимо прочих тем, передачи повествовали о жизни забайкальцев и деятельности КПСС. Количество передач было ограничено отчасти из-за недостатка квалифицированного персонала, необходимого для их создания. Помимо «радиобомбардировки» Китая, журналисты сотрудничали со своими коллегами из Монгольской Народной Республики. Эти передачи подчёркивали дружбу между народами Советского Союза и Монголии — частично для выявления контраста с Китаем [ГАЧО. Ф. П-3. Оп. 27. Д. 51. Л. 82—84].

Что касается КНР, то, выпуская в 1969 г. передачи на 41 языке, республика занимала второе после Советского Союза место среди коммунистических государств по объёму международного радиовещания. Хотя Китай и начал вещание на русском только в 1962 г., Пекин достаточно быстро обогнал Москву по количеству эфирного времени. До конца 1968 г. китайские радиостанции транслировали передачи общей длительностью 421 час в неделю, т.е. свыше 60 час. в день — что более чем вдвое превышало эфирное время всех передач на китайском, выпускавшихся в Советском Союзе

[35, р. 560—561]. Всего на территории КНР существовало предположительно 48 радиостанций, занимавшихся выпуском антисоветской пропаганды. Они располагались в Пекине и во многих приграничных областях и вещали на разных волнах, чтобы их можно было принимать на всей территории СССР [ГАЧО. Ф. П-3. Оп. 27. Д. 51. Л. 10].

Кремль видел слабые места в обеспечении своих восточных областей радиопередачами до того, как Пекин начал радиовещание в Советском Союзе. Уже в августе 1960 г. в секретном отчёте, предназначенном для Центрального Комитета КПСС, сообщалось, что трансляция новостей по радио утром и вечером неудовлетворительна для тех, кто живёт между Читой и Волгой: последний выпуск новостей в Чите выходил в эфир в 20:00 по местному времени, но из него слушатели могли узнать только региональные новости Забайкалья. Передача «Последние известия» из Москвы, начинавшаяся в столице в 19:00, доходила до спящих жителей Читы в 1:00 ночи. В то время как «Голос Америки» вещал в более удобное для слушателей время, выпуская свои новости в 23:00 по местному времени [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 14. Л. 1—3]. Кремль отреагировал созданием четвёртого радиоканала, в чьи задачи входил выпуск вечерних новостей для областей, расположенных между Свердловском (Екатеринбургом) и Читой [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 14. Л. 8].

Уже в декабре 1962 г., вскоре после того как радио Пекина начало трансляцию передач на русском языке, в Москве с тревогой следили за их антисоветским содержанием и постановили активно распространять просоветскую пропаганду в русскоязычных программах, выходящих в Албании и КНР. Тогда ещё не спешили строить дорогие станции глушения с ограниченной эффективностью и надеялись заставить Пекин отступить путём действенной контрпропаганды [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 20. Л. 23]. Уже скоро стало очевидно, что эти надежды были напрасны. В 1969 г. радиослушатели Советского Союза могли принимать пропагандистские передачи из КНР днём и ночью по не менее чем 10 частотам. Естественно, это шло вразрез с интересами Москвы, и попытки глушить русскоязычные передачи радио Пекина в Советском Союзе предпринимались уже в период с августа по октябрь 1963 г. С середины 1964 г. радио «Маяк Москва» настраивало свои дальневосточные и среднеазиатские станции на те же частоты, которыми пользовалось радио Пекина для своих русскоязычных передач, чтобы заглушать их. Впоследствии то же самое было сделано с шестью средневолновыми радиостанциями [35, р. 561—562]. Но лишь по прошествии многих лет Советскому Союзу удалось «звукоизолировать»

большую часть страны. В середине 1980-х гг. 30 дальних и 81 региональная станция глушения закрывали одну треть советской территории и более 100 млн чел. от вражеской радиобомбардировки [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 105. Л. 1].

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА НЕПРИМИРИМОЙ ВРАЖДЫ

Общегосударственная информационная война между Москвой и Пекином продолжалась до середины 1980-х гг. Хотя со временем она велась всё менее интенсивно и в более мягком тоне, окончательно противостояние пропагандистских систем прекратилось только с приходом к власти М.С. Горбачёва и сменой курса советской политики по отношению к Китаю. Ещё в декабре 1980 г. ЦК КПСС обсуждал выпуск телевизионного фильма, который бы в очередной раз обличил тёмные дела большого соседа в районе границы. Предложение о создании этой документальной ленты поступило из КГБ. По утверждению представителей комитета, там «собрали значительное количество материалов об усилении разведывательно-подрывной деятельности спецслужб КНР против Советского Союза и активизации работы по заброске в нашу страну своей агентуры» за прошедшие годы. Сценарий предполагалось выстроить вокруг показаний разоблачённых китайских шпионов, записанных на видеоплёнку советской разведкой: о вербовке агентов на территории СССР и их подрывной деятельности. Фильм собирались выпустить на экраны «в политически выгодный момент <...> на внутрисоюзном экране и <...> в третьих странах в целях снижения активности разведывательно-подрывной деятельности КНР против нашей страны и создания выгодно нам мирового общественного мнения» [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 43. Д. 13. Л. 2].

Только после апрельского пленума ЦК КПСС в 1985 г. и XVII съезда КПСС в 1986 г. в правительстве стали задумываться о смене курса и двигаться в сторону гласности и объективности в СМИ, что в свою очередь привело к потере значимости передач иностранных радиостанций. В конце сентября 1986 г. ЦК КПСС постановил прекратить глушение передач радио Пекина, а также ВВС, «Голоса Америки» и других враждебных радиостанций [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 105. Л. 2]. Эхо китайско-советского раскола медленно исчезало.

Насколько «нерушимой» до 1950-х гг. была дружба между СССР и КНР, настолько же «непримиримой» оказалась и вражда двух государств в 1960—1970-е гг. Дипломатические и военные события

играли важную роль при изменении образа врага, создававшегося Москвой и Пекином для собственного и чужого населения. Показная «мирная граница» в результате сменилась (почти полностью) риторическим фронтом. Помимо необходимости вооружённой защиты своей восточной периферии, кризис идеологической легитимации, спровоцированный Пекином, был наибольшей угрозой, исходившей с востока. Москва отреагировала на неё довольно неэффективно. Угроза войны с КНР была существенной, но советским стратегам было ясно, что китайская армия не могла сравниться с советской ни по каким показателям. В Кремле не хотели обострять конфликт, чтобы предотвратить уход Китая из социалистического лагеря. Частично из страха перед потерей правдоподобности статуса мирного вождя коммунистического блока, Москва до конца пыталась сохранить видимость «мирной границы» и дружбы между двумя народами и колебалась между риторикой дружбы и противостояния. Эта позиция объясняет изначально мягкую реакцию Москвы на вызов со стороны Пекина. В середине 1960-х гг. советские СМИ хранили почти полное молчание о Китае, усиленная работа по созданию образа врага внезапно началась вместе с пограничным конфликтом 1969 г. Таким образом, только когда политическое руководство в Москве осознало, что Китай безвозвратно вышел из-под контроля, началась пропагандистская кампания в СМИ через доклады, выставки, показ фильмов и многие другие каналы. Идеологическая война стала центральным элементом конфликта между двумя государствами. Её основной задачей было создание положительного образа собственной страны на родине и за рубежом и обличение внешней и внутренней политики врагов, а также упадка вражеской государственной системы. Сначала у советских пропагандистов были трудности с созданием запоминающихся лозунгов, но в конце концов они остановились на «маоистской клике». В то же время в Китае Советский Союз поместили на одну ступень с США как «мрачную фашистскую диктатуру буржуазии». Пекин также вёл пропагандистскую войну всеми средствами: главную роль играли газеты, радио и телевидение. Огромные митинги и тайная агитация на вражеской территории также были ключевыми инструментами¹⁰.

Представление о противнике, создававшееся каждой из сторон, было абстрактным — будь то «новые цари» или «маоистская клика». Возможно, история и показывает, что такой подход особенно эффективен, но в нём нет ничего нового. Множество советских

¹⁰ Об антисоветских митингах и кампаниях во время культурной революции см.: [40, p. 234].

тем всего лишь адаптировались из пропагандистского материала, использовавшегося во время конфронтации на границе с Китаем и Маньчжоу-Го в 1920-х и 1930-х гг. Уже в книге Николая Костарева «Граница на замке», в которой описывался китайско-советский конфликт на КВЖД в 1929 г., присутствовали «монгольские герои» (из страны, уже заключившей союз с СССР) и «дружелюбные красноармейцы», делившиеся едой с голодными китайскими дезертирами¹¹. Другими словами, это были старые, многократно использованные мотивы.

Перевод с английского: И. Задай

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Забайкалец. 1969. 11 марта.
2. Забайкалец. 1969. 20 марта.
3. Забайкалец. 1969. 22 марта.
4. Забайкалец. 1969. 3 апреля.
5. Забайкалец. 1969. 17 апреля.
6. Забайкалец. 1969. 17 июня.
7. Забайкалец. 1969. 19 июня.
8. Забайкалец. 1969. 24 июля.
9. Забайкалец. 1969. 19 августа.
10. Забайкалец. 1969. 30 октября.
11. Забайкалец. 1973. 11 сентября.
12. Забайкалец. 1974. 5 марта.
13. Забайкалец. 1976. 30 марта.
14. Забайкалец. 1986. 26 июля.
15. Забайкалец. 1986. 12 августа.
16. Забайкалец. 1986. 13 сентября.
17. Забайкалец. 1990. 28 августа.
18. Забайкалец. 1990. 11 сентября.
19. Забайкалец. 1990. 25 сентября.
20. Забайкальская магистраль. 1969. 20 марта.
21. Забайкальский рабочий. 1969. 23 марта.
22. Забайкальский рабочий. 1969. 4 октября.
23. Костарев Н.К. Граница на замке. М.: Молодая гвардия, 1930. 108 с.
24. Ленинский путь. 1959. 1 октября.
25. На боевом посту. 1969. 3 апреля.
26. На боевом посту. 1969. 23 марта.
27. На боевом посту. 1969. 3 апреля.
28. На боевом посту. 1969. 22 марта.
29. Провокации японской военщины на советских границах. Переход роты маньчжурских солдат на советскую территорию // Тихий океан. Политико-социально-экономический журнал. 1936. № 1. С. 226—231.

¹¹ Подробнее см.: [23, с. 31—32, 38—53].

30. Фролов А.В. Развитие советско-китайских приграничных отношений на Дальнем Востоке СССР (1949—1969 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2007. 221 с.
31. Baud M., Van Schendel W. Toward a Comparative History of Borderlands // *Journal of World History*. 1997. Vol. 8. No. 2. P. 211—242.
32. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s*. New York: Oxford University Press, 1999. 288 p.
33. Goldstein L.J. Return to Zhenbao Island: Who Started Shooting and Why it Matters // *The China Quarterly*. 2001. Vol. 168. P. 985—997.
34. Kuisong Yang. The Sino-Soviet Border Clash of 1969: From Zhenbao Island to Sino-American Rapprochement // *Cold War History*. 2000. Vol. 1. No. 1. P. 21—52.
35. König H. Der sowjetisch-chinesische Rundfunkkrieg // *Osteuropa*. 1969. Vol. 19. No. 8. P. 560—574.
36. Lüthi L.M. *The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World*. New Jersey: Princeton University Press, 2008. 375 p.
37. Mancall M. *Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971. 396 p.
38. Mehnert K. Die Schüsse am Ussuri und ihr Echo // *Osteuropa*. 1969. Vol. 19. No. 8. P. 549—559.
39. Radchenko S. *Two Suns in the Heavens: The Sino-Soviet Struggle for Supremacy, 1962—1967*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center, 2009. 288 p.
40. Robinson Th. China confronts the Soviet Union: Warfare and Diplomacy on China's Inner Asian Frontiers // *The Cambridge History of China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. Vol. 15. The People's Republic. Part 2. P. 218—302.
41. Westad O.A. *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance 1945—1963*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 1998. 404 p.
42. Wishnick E. *Mending Fences. The Evolution of Moscow's China Policy from Brezhnev to Yeltsin*. Seattle: University of Washington Press, 2001. 306 p.
43. ГАЧО (Гос. арх. Читинской области).
44. РГАНИ (Российский гос. арх. новейшей истории).

REFERENCES

1. *Zabaikalets*. 1969, March, 11. (In Russ.)
2. *Zabaikalets*. 1969, March, 20. (In Russ.)
3. *Zabaikalets*. 1969, March, 22. (In Russ.)
4. *Zabaikalets*. 1969, April, 3. (In Russ.)
5. *Zabaikalets*. 1969, April, 17. (In Russ.)
6. *Zabaikalets*. 1969, June, 17. (In Russ.)
7. *Zabaikalets*. 1969, June, 19. (In Russ.)
8. *Zabaikalets*. 1969, July, 24. (In Russ.)
9. *Zabaikalets*. 1969, August, 19. (In Russ.)
10. *Zabaikalets*. 1969, October, 30. (In Russ.)
11. *Zabaikalets*. 1973, September, 11. (In Russ.)
12. *Zabaikalets*. 1974, March, 5. (In Russ.)
13. *Zabaikalets*. 1976, March, 30. (In Russ.)
14. *Zabaikalets*. 1986, July, 26. (In Russ.)
15. *Zabaikalets*. 1986, August, 12. (In Russ.)
16. *Zabaikalets*. 1986, September, 13. (In Russ.)
17. *Zabaikalets*. 1990, August, 28. (In Russ.)

18. *Zabaikalets*. 1990, September, 11. (In Russ.)
19. *Zabaikalets*. 1990, September, 25. (In Russ.)
20. *Zabaikal'skaia magistral'*. 1969, March, 20. (In Russ.)
21. *Zabaikal'skii rabochii*. 1969, March, 23. (In Russ.)
22. *Zabaikal'skii rabochii*. 1969, October, 4. (In Russ.)
23. Kostarev N.K. *Granitsa na zamke* [Border Closed]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1930, 108 p. (In Russ.)
24. *Leninskii put'*. 1959, October, 1. (In Russ.)
25. *Na boevom postu*. 1969, April, 3. (In Russ.)
26. *Na boevom postu*. 1969, March, 23. (In Russ.)
27. *Na boevom postu*. 1969, April, 3. (In Russ.)
28. *Na boevom postu*. 1969, March, 22. (In Russ.)
29. Provokatsii iaponskoi voenshchiny na sovetskikh granitsakh. Perekhod roty man'chzhurskikh soldat na sovetskuiu territoriiu [Japan Military's Provocative Actions Close to Soviet Borders. Manchurian Company Illegal Border Crossing]. *Tikhii okean. Politiko-sotsial'no-ekonomicheskii zhurnal*, 1936, no. 1, pp. 226–231. (In Russ.)
30. Frolov A.V. *Razvitie sovetsko-kitaiskikh prigranichnykh otnoshenii na Dal'nem Vostoke SSSR (1949–1969 gg.)*. Diss. kand. ist. nauk [Development of Sino-Soviet Transborder Relationships on the USSR Far East (1949–1969)]. PhD in Hist. Sci. Diss.]. Khabarovsk, 2007, 221 p. (In Russ.)
31. Baud M., Van Schendel W. Toward a Comparative History of Borderlands. *Journal of World History*, 1997, vol. 8, no. 2, pp. 211–242. (In Eng.)
32. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s*. New York, Oxford University Press Publ., 1999, 288 p. (In Eng.)
33. Goldstein L.J. Return to Zhenbao Island: Who Started Shooting and Why It Matters. *The China Quarterly*, 2001, vol. 168, pp. 985–997. (In Eng.)
34. Kuisong Yang. The Sino-Soviet Border Clash of 1969: From Zhenbao Island to Sino-American Rapprochement. *Cold War History*, 2000, vol. 1, no. 1, pp. 21–52. (In Eng.)
35. König H. Der sowjetisch-chinesische Rundfunkkrieg. *Osteuropa*, 1969, vol. 19, no. 8, pp. 560–574. (In Germ.)
36. Lüthi L.M. *The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World*. New Jersey, Princeton University Press Publ., 2008, 375 p. (In Eng.)
37. Mancall M. *Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728*. Cambridge, Mass., Harvard University Press Publ., 1971, 396 p. (In Eng.)
38. Mehnert K. Die Schüsse am Ussuri und ihr Echo. *Osteuropa*, 1969, no. 8, vol. 19, pp. 549–559. (In Germ.)
39. Radchenko S. *Two Suns in the Heavens: The Sino-Soviet Struggle for Supremacy, 1962–1967*. Washington, D.C., Woodrow Wilson Center Publ., 2009, 288 p. (In Eng.)
40. Robinson Th. China Confronts the Soviet Union: Warfare and Diplomacy on China's Inner Asian Frontiers. *The Cambridge History of China, vol. 15, The People's Republic, part 2*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1991, pp. 218–302. (In Eng.)
41. Westad O.A. *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance 1945–1963*. Washington, D.C., Woodrow Wilson Center Press Publ., 1998, 404 p. (In Eng.)
42. Wishnick E. *Mending Fences. The Evolution of Moscow's China Policy from Brezhnev to Yeltsin*. Seattle, University of Washington Press Publ., 2001, 306 p. (In Eng.)